

**Виктор (Островидов) (1875 - 1934), епископ Глазовский,
священноисповедник.**

Память 19 апреля, в Соборе Вятских святых, в Соборе Санкт-Петербургских святых, в Соборе новомучеников и исповедников Соловецких и в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

В миру Константин Александрович Островидов, родился 20 мая 1875 года в семье псаломщика Троицкой церкви села *Золотого* Камышинского уезда Саратовской губернии Александра и его супруги Анны. В семье, кроме старшего сына Константина, было трое детей: Александр (род. 1880), Мария и Николай (род. 1888).

В 1888 году, когда Константину исполнилось тринадцать лет, он поступил в подготовительный класс *Камышинского* духовного училища, а через год был принят в первый класс. По окончании в 1893 году училища он поступил в *Саратовскую* духовную семинарию и окончил ее по первому разряду со званием студента в 1899 году. В этом же году Константин Александрович поступил в Казанскую духовную академию. Ему, как успешно выдержавшему приемные экзамены, была предоставлена стипендия.

В студенческие годы ярко проявились гуманитарные дарования Константина Александровича, интерес к отечественной словесности, философии и психологии. Он стал одним из активнейших деятелей и товарищем председателя студенческого философского кружка.

Для кандидатского сочинения он выбрал тему “Брак и безбрачие”. По окончании академии он был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в духовной семинарии.

Иеромонах

28 июня 1903 года был пострижен в мантию с именем Виктор, на следующий день, 29 июня, был рукоположен в сан иеродиакона, а 30 июня - во иеромонаха и назначен в город *Хвалынский* настоятелем *Свято-Троицкого общежительного подворья Саратовского Спасо-Преображенского монастыря*.

В феврале 1904 года, во время Великого поста, в зале музыкального училища города Саратова иеромонахом Виктором были прочитаны три лекции. Первая лекция состоялась в воскресенье 15 февраля и привлекла массу слушателей, все проходы между рядами, хоры и фойе были заняты; на лекции присутствовали епископ Гермоген, саратовский губернатор Столыпин с женой и дочерью, католический епископ Рооп, ректор Саратовской Духовной семинарии, директора гимназий, духовенство и миряне. Лекция была на тему “Психология "недовольных людей" в произведениях М. Горького”. 22 февраля состоялась вторая лекция на тему “Жизненные условия появления "недовольных людей"”, собравшая также множество слушателей, а 29 февраля — третья лекция на тему “Возможность обновления "недовольных людей" и путь к нему”.

В 1905 году в издании книжного магазина “Вера и знание” в Санкт-Петербурге вышли лекции иеромонаха Виктора о “недовольных людях” в произведениях Горького и религиозно-философская брошюра “Заметка о человеке”. В том же году иеромонах Виктор был зачислен в состав Иерусалимской духовной миссии и выехал в Иерусалим.

Деятельного пастыря-миссионера поразило отсутствие в Миссии миссионерской деятельности:

“...Несмотря на такое наиважнейшее положение тамошней нашей Миссии, о ней — о ее задачах, целях и вообще жизнедеятельности, совершенно невозможно сказать какое-либо определенное, ясное слово, и это уже после пятидесятилетнего существования Миссии... Правда, некоторые из паломников-пастырей приходят в большой восторг, пораженные внешним богатством, — разумею святыя места наши с постройками на них, какими владеет Иерусалимская Миссия... Но вот, спросите их, что же они будут говорить, о каком величии Миссии проповедовать, к чему призывать своих слушателей? — И они тотчас же окажутся в самом тяжелом положении, ибо ничего не могут сказать светлого и определенного ни о настоящей, ни о прошедшей духовной жизнедеятельности Миссии... Единственное занятие, которое всегда находили себе члены Миссии, — это служение молебнов, панихид, исполнение незначительных треб церковных и собирание пожертвований. Такое положение Миссии — как требоисправительницы — более чем печально. Да и это поделие в

течение полугода за отсутствием паломников пропадает и легко может совсем пропасть...”

В июле 1908 года старший иеромонах Иерусалимской духовной миссии Виктор находился в Киеве, где в течение двух недель, с 12 по 26 июля, проходил *IV Всероссийский миссионерский съезд*. На съезде он выступил с докладом об Иерусалимской миссии.

13 января 1909 года был назначен инспектором *Архангельского духовного училища*.

Не чувствуя призвания к духовно-учебной службе, подал прошение об увольнении его от должности инспектора духовного училища для поступления в число братии Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, которое было удовлетворено 15 октября 1909 года.

Архимандрит

22 ноября 1910 года был назначен настоятелем Зеленецкого Свято-Троицкого монастыря Санкт-Петербургской епархии с возведением в сан архимандрита.

В сентябре 1918 года был назначен заместителем Александро-Невской Лавры в Петрограде. До конца своей жизни оставался учеником и почитателем престарелого профессора *В.И.Несмелова*, впоследствии руководителя Казанского филиала "*Истинно-Православной Церкви*"

В 1919 году был арестован. В заключении пробыл недолго и вскоре был освобожден.

Вятский викарий

В декабре 1919 года был хиротонисан во епископа Уржумского, викария Вятской епархии. В январе 1920 года прибыл в Вятскую епархию.

27 мая 1920 года был арестован по обвинению в "агитации против медицины".

“Начало его деятельности, — писал епископ Николай (Покровский), — не понравилось коммунистам; его проповедь, сам проповедник и высшая церковная власть, открывшая Уржумскую епископию, вышучивались в "Деревенском коммунисте", чем, видимо, не смущался владыка и продолжал свое дело, свою проповедь, привлекавшую в храм народные массы. В среду на первой неделе поста, после литургии, в церкви владыку Виктора арестовали и отправили в заключение”.

Епископ Виктор был приговорен к лишению свободы до окончания войны с Польшей. Находился в заключении в течение 5 месяцев и был освобожден.

В 1920 году назначен епископом Слободским, викарием Вятской епархии.

С апреля по сентябрь 1921 года временно управлял Томской епархией. Документов, подтверждающих его прибытие в Томск в 1921 г., не имеется.

14 сентября 1921 года был назначен епископом Глазовским, викарием Вятской епархии, с местом жительства в *Вятском Трифоновом монастыре* на правах настоятеля. В Вятке владыка был постоянно окружен народом, который видел в никогда не унывающем и твердом архипастыре поддержку для себя среди неустойчивости и тягот жизни. После каждого богослужения люди окружали его и провожали до кельи в Трифоновом монастыре. Дорогой он неторопливо отвечал на все многочисленные вопросы, которые ему задавали, всегда и при любых обстоятельствах сохраняя дух благожелательности и любви.

В мае 1922 года во Владимире был арестован епископ Вятский *Павел (Борисовский)* и обвинен в том, что изъятые из храмов ценности не соответствуют указанным в официальных описях. Временно в права исполняющего обязанности управляющего Вятской епархией вступил епископ Виктор.

К нему и направил свое письмо 31 мая председатель обновленческого ВЦУ епископ *Антонин (Грановский)*:

“Позволяю себе осведомить Вас о главном руководящем принципе нового церковного строительства: ликвидация не только явных, но и потайных контрреволюционных тенденций, мир и содружество с советской властью, прекращение всяких оппозиций ей и ликвидация патриарха Тихона, как ответственного вдохновителя непрекращавшихся внутрицерковных оппозиционных ворчаний. Собор, на который возлагается эта ликвидация, предполагается созвать в половине августа. Делегаты Собора должны явиться на Собор с ясным и отчетливым сознанием этой церковно-политической задачи”.

В ответ на действия обновленцев владыка Виктор составил письмо к вятской пастве, которое было одобрено и подписано освободившимся к тому времени епископом Павлом и разослано по храмам епархии:

"Други мои возлюбленные, это слово Господа и Его апостолов ныне, к великой скорби нашей, исполнилось в нашей Русской Православной Церкви. Дерзко отвергнув страх Божий, кажущиеся иерархами и иереями Церкви Христовой, составив из себя группу лиц, вопреки благословения Святейшего Патриарха и отца нашего Тихона, в настоящее время усиливаются самозванно, самочинно, воровски захватить управление Русской Церкви в свои руки, нагло объявляя себя каким-то временным комитетом по управлению делами Церкви Православной..."

"Умоляю вас, возлюбленные во Христе братья и сестры, а наипаче вас, пастыри и соработники на ниве Господней, отнюдь не следовать сему самозванному раскольническому соборищу, именующему себя "церковью живой", а в действительности "трупом смердящему", и не иметь какого-либо духовного общения со всеми безблагодатными лжеепископами и лжепресвитерами, от сих самозванцев поставленными"

Категорически отказался от какого-либо сотрудничества с обновленцами: "уполномоченного" обновленческого ВЦУ епископ Виктор не пустил к себе даже на порог.

25 августа 1922 года епископы Павел (Борисовский) и Виктор и с ними несколько священников были арестованы и через несколько дней были доставлены в Москву.

На допросе 28 августа владыка Виктор на вопрос следователя, кто составил послание против обновленцев, ответил: *"Воззвание против ВЦУ и группы "Живой церкви", обнаруженное при обыске, составлено мной и разослано в количестве пяти-шести экземпляров"*.

5 сентября 1922 г. было предъявлено обвинение в связи с подпольными монархическими группировками, распространении нелегальных воззваний Патриарха Тихона, митрополита Агафангела и Братства ревнителей Православия.

Из анкеты в следственном деле:

"Состав семьи: брат Александр - помощник начальника паровой кампании в Камышине, брат Николай - священник г.Дубовка, мать - Анна Ивановна (70 лет, старица), ее сестра Мария Ивановна (42 года, вдова, больная) - проживают в Камышине".

23 февраля 1923 года был приговорен к трем годам ссылки в Нарымский край Томской губ.

Срок ссылки закончился 23 февраля 1926 года, и ссыльным архиереям было разрешено вернуться в Вятскую епархию. Весной 1926 года владыка Павел, возведенный после окончания ссылки в сан архиепископа, и епископ Виктор прибыли в Вятку. За время ссылки архиереев-исповедников епархия пришла в плачевное состояние. Один из викариев Вятской епархии, епископ Яранский *Сергий (Корнеев)*, перешел к обновленцам и увлек за собой много священнослужителей. Некоторые из них, хорошо сознавая пагубность обновленческого движения, не в силах были устоять перед страхом угрозы ареста и ссылки, когда примеры, сколь легко исполнялись эти угрозы, были у всех перед глазами; перейдя к обновленцам, они постарались скрыть это от своей паствы.

Прибывшие в епархию архиереи-исповедники сразу же принялись за восстановление разрушенного епархиального управления, почти в каждой проповеди они разъясняли верующим о пагубности обновленческого раскола. Архиереи обратились к пастве с посланием, в котором писали, что единственным законным главой Русской Православной Церкви является Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр (Полянский), и призывали всех верующих отойти от раскольничьих группировок и объединиться вокруг митрополита Петра.

Начался массовый возврат приходов в Патриаршую Церковь. Обеспокоенные обновленцы потребовали от архиереев прекратить свою деятельность против них, но архиереи отказались вести с ними какие бы то ни было переговоры.

14 или 16 мая 1926 года еп. Павел был снова арестован вместе с архиепископом Вятским и Слободским *Павлом (Борисовским)*. Владыку Виктора обвинили в том, что он содействовал и помогал архиепископу Павлу в его мероприятиях и произносил проповеди, которые, по мнению властей, имели контрреволюционное содержание. Оба архиерея были перевезены в Москву, во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Через некоторое время

архиереи были переведены из внутренней тюрьмы в Бутырскую. Архиереи обвинялись в "*создании нелегальной епархиальной канцелярии*".

Особое Совецание при Коллегии ОГПУ от 20 августа 1926 года постановило лишить их права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Вятке и соответствующих губерниях, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. Место пребывания можно было до некоторой степени выбирать самому, и архиепископ Павел выбрал город *Александров* Владимирской губернии, где он когда-то был викарным епископом, а епископ Виктор — город *Глазов* Ижевской губернии Вотской области, поближе к своей вятской пастве.

Во время своего краткого пребывания в Москве после освобождения из тюрьмы владыка встретился с заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием и в соответствии со своим местом ссылки был назначен епископом Ижевским и Воткинским, временно управляющим Вятской епархией. ОГПУ, узнав, что владыка еще в Москве, потребовало, чтобы он не позже 31 августа покинул город. В этот день преосвященный Виктор выехал в Глазов.

В оппозиции митрополиту Сергию

В конце августа-начале сентября 1927 г. епископ Ижевский Виктор получил Декларацию 1927 года, предназначенную для оглашения ее духовенству и верующим Воткинской еп. Известно, что Владыка еще в 1911 г. пророчески писал Сергию (Страгородскому), что тот потрясет Церковь своим заблуждением. Будучи глубоко возмущен содержанием Декларации и не желая оглашать ее, еп. Виктор запечатал ее в конверт и отправил обратно митр. Сергию. Декларация была оглашена только в Вятской епархии, но ее практически нигде не приняли, однако общения с правящим археп. Павлом не прервали.

В октябре 1927 г. еп. Виктор обратился к митр. Сергию с письмом, пытаясь его убедить изменить занятую им позицию соглашательства с богоборческой властью, требующей бесконечных компромиссов с совестью. Владыка предупреждал, что если м.Сергий не пересмотрит свою позицию, то "в Церкви произойдет великий раскол". В ответ из синода епископу Виктору было сделано предупреждение о том, чтобы он, как викарий Вятской епархии, "знал свое место" и во всем подчинялся правящему архиерею.

Вскоре владыка получил распоряжение митрополита Сергия о назначении его епископом *Шадринским*, временно управляющим Екатеринбургской епархией. Будучи административно высланным в Глазов, епископ Виктор не мог покинуть места своего жительства без разрешения властей и в октябре 1927 года попросил митрополита Сергия образовать Вотскую епархию в соответствии с административными границами Вотской области. Поездка депутации к митр. Сергию с просьбой отменить указ

Синода закончилась безрезультатно. В декабре 1927 года владыка пришел к решению отказаться от назначения епископом Шадринским, о чем 16 декабря написал митрополиту Сергию.

23 декабря он был уволен митрополитом Сергием от управления Шадринским викариатством Екатеринбургской епархии и запрещен в священнослужении "за раздорническую деятельность". Однако владыка не признал этого определения, говоря, *"ведь и раньше нередко бывало, что отпадные от истины составляли соборы, и Церковью Божией себя называли, и, по-видимому заботясь о правилах, делали запрещения неподчинившихся их безумию"*. Отделивших архиереев сохраняла от обвинения в расколе их верность законному Главе Церкви митрополиту Петру (Полянскому), находящемуся в заключении. В дальнейшем оппозиция еп. Виктора митр. Сергию получила название *"викторианства"*.

29 декабря 1927 года направил митрополиту Сергию (Страгородскому) письмо и копию "Письма к ближним", в которых называл Декларацию явной "изменой Истине" и предупредил паству, что если подписавшие воззвание не покаются, то "надо беречь себя от общения с ними". В своем письме он предлагал пастве не быть "ночными читателями Истины", но "пред всеми исповедывать истинность Церкви" и путем страданий хранить души в благодати спасения. Вскоре состоялось совещание Духовного управления Воткинской епископии, на котором было принято постановление о прекращении епархией молитвенно-канонического общения с м.Сергием (Страгородским) и единомышленными ему епископами, как предавшими Церковь Божию на поругание, впредь до их раскаяния и отречения от Декларации. Постановление было утверждено еп.Виктором и 16/29 декабря отправлено митр. Сергию.

В конце февраля 1928 года епископ написал "Послание к пастырям", в котором подвергал критике позиции, обозначенные в декларации. В частности, он писал:

*"Иное дело — лояльность отдельных верующих по отношению к гражданской власти, и иное — внутренняя зависимость самой Церкви от гражданской власти. При первом положении Церковь сохраняет свою духовную свободу во Христе, а верующие делаются исповедниками при гонении на веру; при втором положении она (Церковь) лишь послушное орудие для осуществления политических идей гражданской власти, исповедники же веры здесь являются уже государственными преступниками...
Ведь так рассуждая, мы должны будем считать врагом Божиим, например, святителя Филиппа, обличавшего некогда Иоанна Грозного и за это от него удушенного, более того, мы должны причислить к*

врагам Божиим самого великого Предтечу, обличавшего Ирода и за то усеченного мечом".

4 апреля 1928 года был арестован в Глазове и перевезен в Вятку, затем в Москву.

В Москве следователь предъявил ему текст "Послания к пастырям".

— Знаком ли вам этот документ? — спросил следователь.

— Этот документ составлен мною с месяц приблизительно тому назад, вернее, с месяц до моего ареста. Предъявленный документ является копией моего документа.

— В вашем документе встречается несколько раз термин "исповедничество", и в конце этого документа вы призываете группу верующих, называемую "Православною Церковью", к тому же "исповедничеству". Разъясните, что вы под этим термином понимаете и что он должен означать?

— Документ обращен не ко всем верующим, а только к пастырям, как написано в начале моего документа, в обращении. Понятие "исповедничество" имеет общее для нас, верующих, значение и означает твердость в вере и мужество в своих убеждениях, несмотря на соблазны, материальные лишения, стеснения и гонения.

— У вас в документе приведены, очевидно, как примеры, достойные подражания, моменты из жизни христианских деятелей — Филиппа, митрополита Московского, и Иоанна так называемого "крестителя"; скажите, они подходят под понятия "исповедников"?

— Поскольку они были обличителями неправды, они являются исповедниками.

— Значит, такого рода деятельность также подходит под понятие исповедничества?

— Да, поскольку она связана с верой.

— Как видно из документа, "исповедничество" указанных выше лиц заключалось в их деятельности против представителей иноверной государственной власти, за что они и были подвергнуты репрессиям?

— Власть и тогда была одинаковой с ними веры. Они выступали против Ивана Грозного и Ирода как против неправильно поступающих, грешных людей, а не как против гражданской власти.

— Протестуя против лишения священнослужителей права что-либо сказать в защиту истины Божией против гражданской власти, вы являетесь защитником этого права?

— Да, поскольку гражданская власть будет касаться веры, то есть употреблять насилие над верующими в целях достижения собственных целей.

— Следовательно, как видно из всего текста данного места вашего документа, “исповедничество” понималось как выступление против советской власти, употреблявшей насилие над верующими?

— “Исповедничество” как выступление против гражданской власти возможно только в том случае, если последняя, то есть гражданская власть, употребит первая насилие над верой, причем само “страдание” за такое выступление и будет “исповедничеством”. Оно носит пассивный характер. Эту мысль я и хотел выразить в данном месте.

— Я хочу спросить вас еще раз: значит, “исповедничество” рекомендуется только в случаях насилия власти над верующими в делах веры или при гонениях?

— Да, только при насилиях и гонениях; оно может быть и независимо от гражданской власти.

— Какая причина выпуска вами данного документа, трактующего о праве деятельности Церкви в защиту истины Божией против гражданской власти и с призывом к “исповедничеству”?

— Формальным поводом послужило выступление с посланием митрополита Сергия, по моему мнению, в угоду земным интересам. Я не хочу сказать, чтобы в данный момент оно было необходимо; некоторое утеснение (отсутствие правящих органов и так далее) со стороны гражданской власти было, и я считаю, что путь “исповедничества” был бы более правильным.

18 мая 1928 года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ был приговорен к трем годам заключения в лагере. Перед отправкой в лагерь передал свои приходы в управление священномученику епископу Димитрию (Любимову).

В июле владыка прибыл на Попов остров и затем в Соловецкий лагерь особого назначения. Начался исповеднический путь святителя в узах. Епископа определили в 4-е отделение лагеря, расположенное на главном Соловецком острове, и назначили на работу бухгалтером канатной фабрики.

Участвовал в тайных богослужениях - "рискуя быть запытаннми и расстрелянными, владыки Виктор (Островидов); Иларион (Бельский); Нектарий (Трезвинский); Максим (Жижиленко) не только часто сослужили в тайных катакомбных богослужениях в лесах острова, но совершали тайные хиротонии нескольких епископов. Совершалось это в строжайшей тайне даже от самых близких, чтобы в случае ареста и пыток они не могли выдать ГПУ воистину тайных епископов".

По воспоминаниям Д.Лихачева, находившегося в лагере вместе с владыкой, "от него исходило какое-то сияние доброты и веселости. Всем стремился

помочь и, главное, мог помочь, так как к нему все относились хорошо и его слову верили".

Профессор Андреев, находившийся в Соловецком концлагере вместе с владыкой, вспоминает:

"Владыка Виктор был небольшого роста... всегда со всеми ласков и приветлив, с неизменной светлой радостной тонкой улыбкой и лучистыми светлыми глазами. "Каждого человека надо чем-нибудь утешить", — говорил он и умел утешать всех и каждого. Для каждого встречного у него было какое-нибудь приветливое слово, а часто даже и какой-нибудь подарочек. Когда после полугодового перерыва открывалась навигация и в Соловки приходил первый пароход, тогда обычно владыка Виктор получал сразу много вещевых и продовольственных посылок с материка. Все эти посылки через несколько дней владыка раздавал, не оставляя себе почти ничего... Беседы между владыками Максимом и Виктором, свидетелями которых часто бывали мы, врачи санитарной части, жившие в одной камере с владыкой Максимом, представляли исключительный интерес и давали глубокое духовное назидание... Владыка Максим был пессимист и готовился к тяжелым испытаниям последних времен, не веря в возможность возрождения России. А владыка Виктор был оптимист и верил в возможность короткого, но светлого периода, как последнего подарка с неба для измученного русского народа".

В 1929 году написал прошение с просьбой о досрочном освобождении. 24 октября того же года Коллегия ОГПУ приняла решение: в просьбе ему отказать.

Весной 1930 г. переведен на материк (командировка Май-Губа).

4 апреля 1931 года кончился срок заключения, но он не был освобожден [2], 10 апреля 1931 года Особое Совецание Коллегии ОГПУ приговорило его к ссылке в Северный край на три года.

Местом ссылки епископу была назначена деревня Караванная вблизи районного села *Усть-Цильмы*. В Усть-Цильме в это время находилось много ссыльных, в том числе священников и православных мирян. Незадолго до приезда в Усть-Цильму преосвященного Виктора власти закрыли в селе православную церковь, и ссыльные вместе с местными жителями пытались добиться разрешения на ее открытие. Уже найден был священник, у которого кончился срок ссылки и который дал свое согласие остаться в селе и служить в храме, если бы его удалось отстоять перед властями. Но пока служб не было, ключи от храма находились у верующих, и они пускали ссыльных священников и мирян в храм для спевок.

13 декабря 1932 года был арестован в ссылке, этапирован в *Сыктывкар*.

10 мая 1933 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ за "участие в контрреволюционной организации" приговорило владыку к трем годам ссылки в Северный край. Владыка этапом был отправлен в тот же самый Усть-Цильмский район, но только в еще более отдаленное глухое село *Нерицу*.

Его поселили в доме председателя сельсовета, помогал его семье в простых хозяйственных работах. Владыка беседовал с крестьянами о вере, часто удалялся в тайгу для глубокой молитвы. Вскоре он простудился, заболел воспалением легких. В больницу его не смогли отправить из-за разлившейся реки.

Скончался 2 мая 1934 г. Был похоронен в с. *Нерица* на сельском кладбище. Хоронила его монахиня Мария.

Летом 1997 г. на сельском кладбище среди дремучих таежных лесов москвичи отыскали крест, на котором по дереву было выцарапано: "Епископ Виктор (Островидов)". 1 июля 1997 года были обретены мощи священноисповедника Виктора.

"Сельчане окружили могилу, с их стороны то и дело доносились насмешки, скептические замечания. Когда верующие дошли до крышки гроба, обнаружилось, что гвозди истлели, время не пощадило даже железа. Перед тем, как открыть домовину, отец Дамаскин отслужил панихиду, потом осторожно приоткрыл крышку. Мощи святителя Виктора явились нетленными в славе несказанной. Местные жители были тому свидетелями. Они стояли примолкшие, потрясенные, некоторые неумело осеняли себя крестным знамением. И тогда к отцу Дамаскину подошел Марьян Марьяныч и сказал: "Батюшка, народ желает креститься"

Останки епископа-исповедника препроводили в Москву, а 2 декабря 1997 г. состоялось перенесение мощей святителя Виктора в Александро-Невскую церковь *Вятского Свято-Троицкого Макариевского женского монастыря*.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.